

потерей чувства реальности и т. п., поскольку в «викингских сагах» обычно усматривается какой-то отзвук древней традиции. Но отзвук этот сводится в сущности к нескольким совершенно трафаретным мотивам и ситуациям, таким как бой с викингами на острове, заключение побратимства после боя, добыча клада из могильного кургана, и т. п. Поэтому развитие, о котором идет речь, скорее не деградация, а, наоборот, завоевание новых творческих возможностей, освобождение от трафаретов, заданных местной традицией, расширение творческого горизонта, выход на интернациональную литературную арену, т. е. опять-таки развитие от саги к роману нового времени.

В этом очерке я только мельком упомянул о том, что в «лживых сагах» есть заимствования из иноземной литературы. Между тем, по-видимому, в науке господствует мнение, что выслеживание таких заимствований — основное, чем должен заниматься исследователь «лживых саг», и что эти саги и нельзя исследовать иначе, как с точки зрения влияния на них иноземной литературы и в первую очередь — французского рыцарского романа. Поэтому, боясь показаться безнадежно отставшим от науки, я все же коснусь отношения «лживых саг» к французскому рыцарскому роману.

Очевидно, конечно, что в средневековой Исландии существовали все условия для того, чтобы французский рыцарский роман мог оказать влияние на туземную литературную традицию. Как известно, еще в 1226 г. по распоряжению норвежского короля Хакона Старого (1217—1263) некий брат Роберт перевел или, вернее, пересказал в прозе «Роман о Тристане» Тома, и эта «Сага о Тристраме и Исёнд» сохранилась в исландской рукописи (переводы французских рыцарских романов, как известно, обычно делались в Норвегии, а потом попадали в Исландию). По-видимому, в XIII в. были переведены в прозе также «Ивейн», «Эрек и Энида» и «Персеваль» Кретьена де Труа (эти переводы или, вернее, пересказы известны как «Сага об Ивенте», «Сага об Эрексе» и «Сага о Парсевале») и некоторые другие французские рыцарские романы. Поскольку «лживые саги» начали писать не раньше конца XIII в., а в основном их писали в XIV—XV вв., то ничто не мешает предположению (и такое предположение обычно делается), что именно переводы французских рыцарских романов проложили дорогу для исландских «лживых саг».

Очевидно также, что ряд мотивов, используемых в «лживых сагах» (например, любовный напиток, благодарный лев, оклеветанная королева, завистливый придворный и т. п.), вполне могут восходить к французским рыцарским романам. Из них же, вероятно, и встречающиеся в «лживых сагах» черты рыцарского быта — турниры, замки, обучение семи искусствам и т. п. Возможно, что обычные в «лживых сагах» описания доспехов, пышных одеяний, роскошных палат, празднеств и т. п. — влияние французских рыцарских романов.

Однако, как нам представляется, для понимания места «лживых саг» в процессе литературного развития важно знать не столько то, что было в них заимствовано из рыцарских романов, сколько то, что не было в них заимствовано из рыцарских романов, несмотря на то, что существовали все условия для такого заимствования. Я имею в виду следующее важное обстоятельство: в «лживых сагах» (как в «поздних сагах о древних временах», так и в «поздних средневековых исландских романах») нет того, что, как обычно считается, составляет сущность французских рыцарских романов, а именно — углубления во внутренний мир персонажей, в их переживания и в первую очередь — любовные, романические переживания. Другими словами, в «лживых сагах» нашло отражение только, так сказать, внешнее пространство французских рыцарских романов, но не их внутреннее пространство.

Характерно, что в упомянутых выше прозаических пересказах французских рыцарских романов романическим переживаниям уделено, как